***

Звездочкой лишней, сердцем
дрожит ночной самолет,
между Алиотом и Мегрецем
ломая Медведицы черный лед.
Мерцает в крепящих пальцах
надломленная сигарета.

И видно ее с того света,
и слышно ее мимолетное скерцо
в торжественной музыке сфер,
между твердью и хлябью,
и давление атмосфер
вспыхивает артериальной рябью

под одеялом того,
кто сейчас одинок, кто я.
Кто себя от вечности затая,
празднует Рождество.

ЭЛЕГИЯ О ВОЗНЕСЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

На потайной скамейке
встречались ввечеру
(у матушки Ирины,
Панкратовой в миру,
покинутой в могилке...
А я потом умру).
По узеньким тропинкам
гуляли наугад
до сумерек, и бедра
скользили меж оград.
И в сумочке лежали
таблетки циклодол.
От холода дрожали,
и длился поцелуй...

Как юности детальны
и память, и вина!
И как сентиментально
то кладбище: *больна.*

Увидел привиденье,
знакомое лицо,
в соседнем отделеньи,
тоскливом ПСО.
«Мы все перетерпели, –
шепну через года, –
и, сколько б ни болели,
мы здесь не навсегда».

ВМЕСТО МОЛИТВЫ

пусть мне проломят голову
эти подростки возле
торгового центра если
я наконец откликнусь

или сосед по клетке
с кашлем туберкулезным
на ночь не запираю

сама приходи с железкой

пожалуйста ну пожалуйста

и никакой тревоги
праведная обида
маленькая свобода

жаль что никто не дарит
этого удовольствия

***

Антошка, Антошка...
Будет твоя душа
как жареная картошка.
Вынут червивый клубень,
отмоют и приготовят
с пряным чесноком,
базиликом душистым.

Носят тебя, Антошка,
по воздуху за подтяжки –
от дома и до работы,
от работы до гроба.
Сучишь тепловатыми ножками
во сне, а думаешь – по земле.

Ох, Антошка, Антоний,
Тоша, Антонция, Тонче,
Антон Александрович, Тоха –
кто ты для них еще?.. –
спи в этой персти и прахе,
спи до последнего вздоха,
спи и не думай,
что ты прощен.
(И соблюдай диету!)

***

Неслышно ковыляет человек.
Вокруг, колыша ветхий борщевик,
клубится снег. Ложатся покрова
на кровли, трубы, бани и хлева
(дрова, сараи, тряпки, конуры
и прочее скупое иудейство).
В прихожей собирается семейство.
Шипят говоруны.

Где мыкается бедная дочка́?
Чем угощать священника, дьячка
и певчиих? Аль выгнали Дружка
и Муську из гостиной? Мужичка
позвали, Сашку с Костырей? Скажи
яму́ , шоб подсобил. А свечки?
На кухне вчетверо по луковой дощечке
быстрей стучат ножи.

Сижу на лишней табуретке, разделив
сестру и мать – как дикобраз
какой-то – молчаливо: здесь табу
на разговоры. Лезет снег в избу
постылой панорамой, но белей
рассохшаяся краска крестовины
и на трюмо спадающие криво
лавины простыней.

Там пятна растекаются гвоздик.
Мы обступаем, будто борщевик.
Клубится ладан, сходятся лучи –
семь лезвий – в сердце. *Мати, умягчи!*
И полностью пропитанный покров
на зеркале. Стоим, не замечая:
спеленатую куколку качая,
Кто высится, поправ.